

З. А. ВЕНГЕРОВА

Л. Шестов. Шекспир и его критик Брандес

Хотя в России литература о Шекспире далеко не так широко развита, как в Англии, Германии и даже во Франции, но и у нас есть много авторитетных трудов, посвященных и общему характеру творчества Шекспира, и отдельным вопросам, связанным с его произведениями. Ввиду этой широкой разработанности шекспировского вопроса, новая книга о великом драматурге вызывает скорее недоверие. Кажется, что ничего нового не может быть уже сказано после того, как почти каждая мысль и каждый стих Шекспира толковался и перетолковывался учеными и критиками, из которых многие делали Шекспира предметом изучения всей своей жизни. Но в том и заключается великое значение всемирных гениев, что каждое время может найти в них нечто еще не замеченное или недостаточно освещенное предшествующими эпохами. Гениальные произведения живут своей органической жизнью, и чем более развивается и утончается сознание с развитием культуры, тем более ему открывается истин в великих произведениях прошлого. Поэтому и о Шекспире в наше время можно сказать еще много нового и поучительного, и всякая попытка взглянуть на Шекспира самобытно, не руководясь общепринятыми рассуждениями, заслуживает внимания.

К таким попыткам принадлежит недавно появившаяся книга Л. Шестова. Она интересна уже тем, что автор не примыкает ни к одной из образовавшихся в шекспирологии школ. Он не идет по следам сухих немецких ученых, превративших творения Шекспира в какую-то энциклопедию, требующую систематических каталогов, т. е. комментариев немецких профессоров. Еще менее приближается он к французским критикам, сводящим, как например Мезьер, критику Шекспира к характеристике различных общественных типов, встречающихся у него¹. Для Л. Шестова интерес произведений Шекспира не только в частных истинах, им высказанных, и даже не в поэтических красотах, а в общем мирозерцании, стройном и законченном, из которого уже вытекают и его психологические откровения, и его вечные художественные образы. Л. Шестов очень своеобразно понимает философию Шекспира — и если не всегда можно согласиться с его посылками и выводами, то во всяком случае оригинальность его взглядов заслуживает внимания, и его убежденно и обстоятельно изложенная книга читается с большим интересом.

Несколько лет тому назад вышла в свет сенсационная книга Брандеса о Шекспире. Знаменитый датский критик, продолжатель Тэна, задумал подвести Шекспира под некоторые философские веяния новейшего времени. Одна из исторических заслуг Брандеса заключается

в том, что он первый в Европе заговорил о Ницше². Конечно, заслуга эта случайная, и если бы Брандес не открыл Ницше, то великий философ все-таки был бы открыт и владычествовал бы как и теперь над умами. Но Брандес твердо помнит свою заслугу и считает себя некоторым образом хозяином Ницше. Поэтому он и хочет приобщить к нему не только всю современность, но и все, что было великого в прошлом. Он начинает с Шекспира и целым рядом софизмов и ораторских приемов извлекает из уст излюбленных шекспировских героев поучения ницшеанского характера. Шестов справедливо восстает против этого насилия над Шекспиром и, опровергая Брандеса, показывает, в чем заключается философия Шекспира и почему она скорее полная противоположность ницшеанства, а не предвестница его.

Полемика против Брандеса проведена Шестовым с большою убедительностью, хотя и с недостаточной полнотой. Он прав, утверждая, что Брандес искусственно навязывал Шекспиру свои идеалы, но напрасно он не показывает, что идеалы Брандеса в сущности очень поверхностно связаны с Ницше. Брандес скептик и пессимист. Вместо того чтобы углубиться в смысл жизни, он с презрением отворачивается от нее. Из Ницше при этом он извлек только одну для себя пользу. Вместо того чтобы стыдиться своего презрения как слабости, он стал считать его признаком аристократичности духа и, не вникая в учение Ницше по существу, причислил себя к «сверхчеловекам», выдал себе право надменно презирать и поэтически скорбеть о том, чего он не понимает, т. е. о тайне жизни. Так поступают многие ницшеанцы, которые останавливаются на пессимизме Ницше и не в состоянии подняться вместе с философом на высоты его идеализма. Напрасно Шестов, восстающий против ницшеанского толкования Шекспира, не выясняет, что никакого ницшеанства тут собственно нет.

Шестов гораздо более прав, говоря о родстве Брандеса с Тэном. Для позитивиста Тэна смысл жизни в законах, управляющих материальным прогрессом. Внутренний мир человека, управляемый психологическими законами и подчиненный неосоздаваемым законам нравственности, входит в его схему как нечто частичное, не имеющее отношения к цели жизни, понимаемой только как развитие материи. Человеческая жизнь со всеми ее страданиями есть как бы «цветение на поверхности», добавление к развивающейся материи. Никаких законов, управляющих внутренним миром поэтому нет, побуждениями людей управляет слепой случай, т. е. опять-таки закон материи, и поэтому поэт, рисуящий внутренний мир человека, может быть только пессимистом, скорбящим о бессмысленности и ненужности человеческих страданий. Таким пессимистом Тэн считает Шекспира, и таким же вслед за ним признает его и Брандес.

Опровергая Брандеса, Шестов выставляет свое собственное толкование Шекспира, доказывая, что великий драматург занимается

не только психологией страстей, приводящей его к пессимистическому взгляду на бессмысленность страданий, но что у него есть чисто философский запрос, т. е. что он спрашивает не только «почему» люди страдают, но еще ставит вопрос: зачем? — т. е. вопрос о цели человеческой жизни. В творчестве Шекспира выступает главным образом значение трагического начала страданий, приносимых жизнью. Для позитивиста страдания — случайность. Камень падает и в своем падении уничтожает человека. Это — безразличная подробность, важен только тот физический закон, который заставил камень упасть. Так как этим законом обуславливается материальное бытие мира и подтверждается строгое соотношение между причиной и следствием, то ничего трагического в задавленном человеке материалист-философ не видит. Шестов указывает на глубокую пропасть, разделяющую самую сущность трагического творчества Шекспира от хладнокровного отношения материалистов к страданиям человека, и считает поэтому Шекспира совершенно неподсудным материалистическому пониманию Тэна и его преемника Брандеса. Все внимание Шекспира обращено именно на роковое значение случая, создающего страдания и непобедимого для воли и разума человека. Критик видит все величие Шекспира в том, что он проникся сознанием страданий и понял их не только умом, но и всем своим существом, т. е. что он пережил сам трагедию, и тогда только стал изображать ее со всей ее бездонной глубиной. Брандес связывает творчество Шекспира с его жизнью и объясняет его произведения психологически, пользуясь для этого теми весьма скудными биографическими данными, которые существуют о Шекспире. Шестов тоже считает психологию поэта крайне драгоценной для объяснения его произведений. Он утверждает, что, только пережив на самом себе нечто глубоко трагическое, писатель может понять значение жизни и отразить свое понимание в художественных произведениях. Одно теоретическое представление о значении страданий, одно только философствование на эту тему не может создать великого произведения. Истинно великими стали только те гениальные писатели, которые сами в себе пережили глубины падений, прошли через ад нравственных мук, не в области мысли, а в жизни, испытали все, что непонятный и необъяснимый нравственными законами случай может внести в душу человека. К таким просветленным страдальцам Шестов причисляет Шекспира и, соглашаясь с ним, мы могли бы включить в ту же категорию Достоевского, Ницше, Гоголя. Относительно них обилие биографического материала подтверждает наглядным образом связь творческого подъема с трагическими переживаниями в жизни. Но о жизни Шекспира приходится только догадываться по его произведениям, так как положительного о нем ничего неизвестно. Шестов справедливо обвиняет Брандеса в том, что он решается делать какие-либо выводы из различных сказок, распространяемых о жизни

Шекспира. Но отказываясь останавливаться на каких-либо фактах, критик утверждает, основываясь только на различных произведениях Шекспира, что в жизни великого драматурга был страшный перелом, катастрофа, изменившая его мирозерцание, его отношение к жизни и сделавшая его из теоретика, довольно легкомысленно рассуждавшего о чувствах и страданиях, бессмертным трагиком, постигшим смысл жизни. Шестов отличает два резко разграниченных периода в творчестве Шекспира. В первом из них обнаруживается только его художественный талант, а сами суждения о жизни еще поверхностны. Типическим образцом этого первого периода является комедия «Как вам угодно»³ с ее героем, легкомысленным пессимистом Жаком. Жак, по объяснению Шестова, тот же Гамлет, но еще не познавший страдания на самом себе. Поэтому все его блестящие тирады, в которых жизнь человека сравнивается с театральным представлением, не что иное, как остроумные схемы жизни, без всякого проникновения в суть того, что жизнь содержит. После этой комедии в жизни Шекспира произошло нечто, нам совершенно неизвестное, но глубоко трагическое, и, испытав на себе власть случая, Шекспир понял, что есть нечто стоящее выше безучастного философствования, т. е. понял глубину жизни и необходимость действия. Тогда он написал «Гамлета».

Трудно согласиться с тем толкованием, которое Шестов дает центральной трагедии Шекспира, но это толкование — прямой вывод из всего его мирозерцания. Он ставит жизнь и страдания, связанные с жизнью, выше отвлеченной мысли; последняя только классифицирует явления и элементы жизни, отводя всему свое место в стройной цельности мироздания, и не останавливается на безысходности «надрывов», не плачет и не иступляется вместе со страждущим человечеством. Шестов видит в Гамлете осуждение праздного философствования, не способного на действие. Гамлет кажется ему отрицательным типом. Значение мучительных переживаний датского принца в том, что случай поставил его в необходимость не рассуждать о страданиях других людей, как это может делать Жак. Жизнь подступила к нему самому, он сам переживает власть случая и должен решать вопрос о жизни. Этим подтверждается необходимость личного переживания трагедии, для того чтобы понять жизнь и уметь с ней справиться. В «Гамлете» однако поставлен только вопрос и не дано его разрешение, именно потому, что так силен еще в благородном принце элемент рефлексии, аристократическое пренебрежение к жизни и действию. Критик показывает, что в дальнейшем творчестве Шекспир все более уяснял себе необходимость действия. Непосредственно за «Гамлетом» он написал «Юлия Цезаря» и воплотил в Бруте все то, что не доставало слабому мечтательному Гамлету. Кориолан, Макбет и наконец король Лир — дальнейшие ступени, по которым поднимался великий драматург в своем всестороннем и проникновенном понимании

жизни как совокупности страдания в борьбе с всевластным случаем. В разборе каждой из этих трагедий критик развивает свою основную мысль о противоположении мысли и действия, философии и жизни и связывает ответы, которые дает драматург, с собственной психологией Шекспира, с тем, что он понял в себе значение трагедий в жизни.

Такова основная мысль Шестова в его толковании Шекспира. В ней, конечно, много спорного, но изложенная горячо и убедительно, она интересна в своей оригинальности. Нам кажется, что в психологическом отношении критик прав, что в самом деле писатель, испытавший сам на себе трагедию сомнений и падений, тем глубже может проникнуть в смысл жизни. Но эта правда — психологическая, а не отвлеченно философская, понимание страданий и переживание их есть только путь к правде, а не сама правда. Жизнь при всей ее полноте не заключает в себе конечного смысла бытия. Есть нечто, с чем она граничит и что становится понятным лишь в том случае, если уяснить себе связь между видимым и непознаваемым. Шекспир — психолог, объясняющий жизнь, но нужно пойти еще дальше и видеть в его изображениях отражение истины, лежащей вне жизни и ее понимания.

<Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ>

Георг Брандес. Шекспир, его жизнь и произведения. Том 1; Л. Шестов. Шекспир и его критик Брандес

Громкое имя автора дает возможность новой книге Брандеса обойтись без особенных рекомендаций: она в них не нуждается, но надо сказать правду, она и заслуживает их далеко не в такой степени, в какой их стоили прежние произведения датского критика и историка европейской литературы. Редактор русского перевода, сказав в похвалу ей, что она «считается как самый интересный культурно-исторический роман», в сущности, приблизил нас к жестокой правде: наше исследование Брандеса слишком похоже на роман: его «умение читать между строками» не раз переходит в вылавливание между строк Шекспира того, чего там по существу вовсе нет: автобиографических признаний и указаний. Неудивительно что книга, основанная на таком неустойчивом фундаменте, более близка к культурно-историческому роману, чем к научному исследованию. Но, что ж, роман — подходящая форма для гипотез и парадоксов, а гипотезы и парадоксы — лучший способ привлечь и увлечь обширный круг читателей. Брандес не всегда прав в своих взглядах на Шекспира, но он не только любит Шекспи-